

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 198–210
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 198–210
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-198–210

РЕСКРИПТЫ ТРАЯНА И АДРИАНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ АПОЛОГЕТОВ ХРИСТИАНСТВА

Д.А. Самойлов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1872-9206

Аннотация. В статье рассматривается положение раннехристианской Церкви в Римской Империи в первой четверти II в. н.э. в связи с деятельностью раннехристианских апологетов. Автор ставит проблему возможности обращения апологетов к представителям римской власти, в том числе к самому императору во время гонений. На основе анализа письма Плиния Младшего Траяну и рескрипта последнего автор приходит к заключению, что никакого общего закона, запрещающего христианство, в это время не существовало, гонения носили в большинстве своем спорадический характер. Основанием для гонения, которое описывает Плиний, могло являться восприятие наместником христианства как опасного суеверия. Сам рескрипт Траяна не мог быть общим законом против христиан ни по форме, ни по содержанию. В условиях юридической неопределенности Церкви в Империи некоторые христиане могли апеллировать непосредственно к императору. В первую очередь такая возможность предоставлялась римским гражданам как это следует из дела Плиния Младшего. Отсюда автор заключает, что и для обращения раннехристианских апологетов к императору юридических препятствий не было. Сообщения о первых христианских апологетах относятся ко времени правления Адриана. «Хроника» Евсевия напрямую связывает их деятельность с возникновением рескрипта Адриана, адресованного наместнику Азии и облегчающего положение Церквей на данной территории. Автор приходит к выводу, что христианские апологеты могли обратиться к принцепсу и до публикации им рескрипта, но вряд ли непосредственно с их обращением связано решение императора составить сам рескрипт.

Ключевые слова: Римская Империя, раннее христианство, Церковь, апологетика, Траян, Адриан, Плиний Младший, рескрипт.

Многие исследования, посвященные апологетике, начинаются с обзора положения христианской Церкви в Римской Империи. Притом само это положение подчас кажется общим фоном, на котором выступают и действуют апологеты¹.

Данные об авторе: Дмитрий Александрович Самойлов – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Grant 1988, 28–33; Pouderon 2005, 23–28; Ulrich 2014, 5–7.

Гораздо реже встречаются работы, где предпринималась бы попытка выявить существенную связь между развитием апологетики и римской политики по отношению к христианам во II в. н.э. Данное обстоятельство заставляет нас обратиться к этой теме и рассмотреть ее более подробно. Проблему нашего исследования мы формулируем следующим образом: в какой мере правовое положение Церкви в Империи позволяло апологетам обращаться к представителям римской власти?

В современной научной литературе имеется тенденция к отрицанию того факта, что т.н. «судебные» апологии, адресованные императорам, предназначались в самом деле для них². Обосновывая эту позицию, исследователи указывают на статус христианства в Римской империи как *religio illicita*.

Однако, обращаясь к источникам, мы видим, что ни у одного церковного историка, будь то Евсевий, или Иероним, или Павел Орозий, не возникало сомнений относительно того, что апологии действительно были адресованы и представлены императорам (Eus. Hist. eccl. IV. 3; 12; 26; Hier. De vir. ill. XIX; XX; XXIII; XXIV; Oros. VII. 13. 2; 14. 2). Но как такие обращения были возможны?

В данном исследовании мы остановимся на анализе двух документов, которые в определенной степени описывают положение христианства в первой четверти II в. Во-первых, это рескрипт Траяна, адресованный наместнику Вифинии Плинию Младшему и сохранившийся до наших дней в составе их переписки. Во-вторых, рескрипт Адриана, направленный наместнику Азии Минуцию Фундану и дошедший до нас в составе первой апологии Юстина, «Церковной истории» Евсевия и в переводе последней на латинский язык, выполненном Руфином. К последнему рескрипту во второй половине XIX в. у некоторых исследователей было отношение как к позднейшей фальсификации³, но в современной науке подобный гиперкритицизм преодолен⁴. Подчеркивается, однако, что рескрипт Адриана помещался христианами авторами в такой контекст, что он казался толерантным по отношению к Церкви⁵.

Выбор хронологического отрезка, ограниченного только первой четвертью II в., сделан нами не случайно. Именно на этот период времени, с одной стороны, приходятся первые аутентичные документы, которые характеризуют политику императоров по отношению к Церкви, а с другой – зарождение жанра «судебных» апологий христианства. Таким образом, и связь между этими процессами проявляется нагляднее всего.

1. СУД ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО НАД ХРИСТИАНАМИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Начнем с рассмотрения рескрипта Траяна. Поводом для его возникновения послужило письмо Гая Плиния Секунда, наместника Вифинии, императору Траяну. В этом письме Плиний просит императора разрешить его сомнения, поскольку он «никогда не присутствовал на следствиях о христианах» (*cognitionibus de Christianis interfui numquam*), и не знает, «о чем спрашивать и в какой мере наказывать» (*quid et quatenus aut puniri soleat aut quaeri*) (Plin. Epist. X. 96. 1). Далее Пли-

² Buck 1997, 222; Edwards, Goodman et al. 1999, 8.

³ Aube 1875, 261–269.

⁴ Callewaert 1903, 27–34; Keresztes 1979, 287–292; Болотов 1994, 84–88; Пантелеев 2004, 69–69.

⁵ Callewaert 1903, 15–16; Schmid 1955, 5–13; Keresztes 1979, 290–292.

ний приводит перечень вопросов, которые вызвали у него затруднение: «есть ли тут какое различие по возрасту или никак не различаются юные и взрослые люди; давать ли прощение раскаявшимся или, если кто был христианином, раскаяние не поможет; наказывать ли за само имя, если нет преступлений, или за преступления, связанные с именем» (*sitne aliquod discrimen aetatum, an quamlibet teneri nihil a robustioribus differant; detur paenitentiae venia, an ei, qui omnino Christianus fuit, desisse non prosit; nomen ipsum, si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomini puniantur*) (Plin. Epist. X. 96. 2).

Затем Плиний подробно излагает собственную практику ведения дела. Он спрашивал подозреваемых, являются ли они христианами. Признавших себя таковыми, он спрашивал второй и третий раз, после чего предавал их казни (Plin. Epist. X. 96. 3). В дальнейшем подозреваемых стало набираться больше, а самому Плинию был представлен анонимный донос, охватывающий большой круг лиц (Plin. Epist. X. 96. 5). Среди них Плиний выявил как тех, которые не были христианами вовсе, так и тех, которые некогда были христианами, но в дальнейшем отпали от Церкви. И те, и другие почтили изображения богов и императора, совершили жертвоприношения и похулили Христа, после чего Плиний их отпустил (Plin. Epist. X. 96. 5-6). Затем легат провел расследование о собраниях христиан, допросил двух диаконисс и пришел к тому, что «не нашел здесь ничего, кроме суеверия, безмерного и уродливого» (*nihil aliud inveni quam superstitionem pravam et immodicam*) (Plin. Epist. X. 96. 8).

Ответ Траяна на запрос Плиния следующий: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени» (Plin. Epist. X. 97; пер. М.Е. Сергеев). Таким образом, рескрипт Траяна представляет собой одобрение практики Плиния с указанием на то, что христиан не следует разыскивать специально и не следует также принимать анонимные доносы.

2. СУД ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО НАД ХРИСТИАНАМИ: СПОРЫ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

В исторической науке дело, которое вел Плиний, до сих пор является предметом серьезных дискуссий. Основной вопрос заключается в следующем: чем руководствовался Плиний при проведении следствия и суда над христианами? Некоторые исследователи считают, что это дело основывалось на некоем общем законе против христианства, принятом задолго до Траяна, еще во времена Нерона⁶ или

⁶ Callewaert 1901, 771–797; Allard 1903, 166–171; Keresztes 1979, 286; Пантелеев 2004, 64–65. Следует отметить, что в новейших публикациях А.Д. Пантелеев уже не выступает однозначно в поддержку данной позиции: Пантелеев 2017, 10.

даже Тиберия⁷. Основные аргументы сторонников этой точки зрения сводятся к следующему: 1) непоколебимая позиция Плиния, осуждавшего христиан за *poen ipsis*; 2) стремление того же Плиния спасти отступников⁸; 3) краткое сообщение Светония об антихристианской политике Нерона⁹; 4) антихристианские *leges*, упоминаемые Сульпицием в повествовании о Нероновом гонении¹⁰; 5) фразеология Тертуллиана¹¹; 6) сообщение 1-го послания ап. Петра¹².

Однако Т. Барнс справедливо отметил, что сообщения, которые не имели бы двусмысленного толкования и могли бы точно свидетельствовать об антихристианских законах, принятых при Нероне и действующих впоследствии, встречаются достаточно поздно, начиная только с Тертуллиана (конец II – начало III в.)¹³. Да и у Тертуллиана слова об антихристианском законодательстве Нерона имеют подчас не юридическое, а риторическое значение¹⁴. Главное, что ни Плиний, ни Траян не знают и не упоминают никаких специальных антихристианских законов. Мало того, сам Траян об организации антихристианских процессов однозначно утверждает: *Neque enim in universum aliquid, quod quasi certam formam habeat, constitui potest* (букв. «Невозможно [здесь] установить что-либо в целом, что имело бы четкую форму»). Данное высказывание можно также понимать как косвенное указание на отсутствие общего антихристианского законодательства¹⁵.

Есть еще один весомый аргумент против теории общего закона. Так, Лактанций сообщает, что Ульпиан собрал императорские рескрипты, направленные против христиан (Lact. Div. inst. V. 2. 19). В данном случае важно подчеркнуть самый

⁷ Sordi 1983, 62–63.

⁸ В таком духе можно рассматривать последние строки письма: «Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находился покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться (выделено мной. – Д.С.)» (Plin. Epist. X. 96. 10; пер. М.Е. Сергеев).

⁹ «были подвержены наказаниям христиане, приверженцы нового и зловещего суеверия» (*afflicti suplicii Christiani, genus hominum superstitionis novae et maleficae*) (Suet. Caes. VI. 16). Как видим, никакого указания на какие-либо конкретные антихристианские законодательные акты, которые носили бы общий характер, в данном пассаже не содержится.

¹⁰ «после этого данными законами [христианская] религия запрещалась и представленными эдиктами не позволялось открыто быть христианином» (*post etiam datis legibus religio vetabatur, palamque edictis propositis Christianum esse non licebat*) (Sulp. Chron. II. 29).

¹¹ В своем сочинении “Ad nationes” Тертуллиан говорит: «И, хотя все законы Нерона уничтожены, этот один остался – очевидно, потому что он справедлив и непохож на своего автора» (*Et tamen permansit erasis omnibus hoc solum institutum Neronianum, iustum denique ut dissimile sui auctoris*) (Tert. Ad nat. I. 7. 9; пер. И. Маханькова). Данное сообщение как указание на общий антихристианский закон использует П. Кересцес: Keresztes 1979, 281–286. В «Апологетике» Тертуллиан, характеризуя политику римских властей относительно христиан, использует следующее выражение: «Non licet esse vos [Christianos]». О том, что эти слова якобы передают суть реального закона, принятого еще при Нероне, см.: Allard 1903, 169–171.

¹² Особый акцент делается на 4-ю главу: «Пусть никто из вас не страдает, как убийца, или вор, или делающий злое, или как вмешивающийся в чужие дела. Если же как христианин, да не стыдится, но прославляет Бога за это имя...» (1 Петр. 4. 15–16).

¹³ Barnes 1968, 34–35.

¹⁴ Sherwin-White 1962, 201.

¹⁵ В.В. Болотов, обращаясь к этому пассажи, справедливо отмечал: «Ответ императора состоял в признании, что общей нормы в суде над христианами быть не может, что процесс против христиан в общем должен быть *coercitio*, т.е. процессом, соотносящимся с обстоятельствами». См.: Болотов 1994, 71.

термин *rescripta* (не *edicta*, не *mandata*, не *leges*), то есть Ульпиан в переложении Лактанция однозначно свидетельствует, что христианский вопрос решался не общими законами, а предписаниями, которые давали императоры наместникам провинций для разрешения конкретных ситуаций¹⁶.

Некоторые исследователи иногда указывают на общий смысл письма Плиния. Согласно ему выходит, что Плиний твердо знал, как следует поступить с исповедовавшими себя христианами и с теми, кто был обвинен в христианстве безосновательно. Затруднение у него вызвала только третья категория людей – те, кто были христианами, а в дальнейшем отреклись, и именно о них Плиний сделал запрос¹⁷. Мы категорически не можем согласиться с такой интерпретацией текста. Все свои затруднения Плиний описывает в самом начале письма предельно ясно: вопрос об отступниках стоит здесь наряду с вопросами о возрасте обвиняемых, о том, следует ли наказывать за имя или за преступления, связанные с именем и т.д. (Plin. Epist. X. 96. 2). Таким образом, на наш взгляд, теория общего закона лишена твердых оснований. Обратимся же теперь ко второму подходу.

Сторонники данного подхода (его обычно называют теорией *coercitio*, но мы считаем, что правильнее здесь говорить о подходе, в рамках которого выдвигались самые различные теории) исходят из того, что наличия какого-либо специального антихристианского закона не требовалось для гонений. Суды и наказания для христиан определяли сами наместники провинций, основываясь на своем *imperium*. Но почему наместники применяли свой *imperium* против христиан? Здесь среди сторонников *coercitio* есть разногласия.

Т. Моммзен в свое время предположил, что основанием для гонений являлось отрицание христианами римской национальной религии и утверждение своей собственной веры¹⁸. В свою очередь, английские исследователи У. Рамсэй и Э. Харди делали акцент на политических мотивах в преследовании христиан¹⁹. М. Конрат также предположил, что юридическим основанием для гонений мог послужить отказ христиан участвовать в культе императора²⁰. Наконец, некоторые авторы указывали на то, что большую роль в гонениях играли слухи о *flagitia* среди христиан (фиестовы трапезы, эдиповы смешения, о которых говорят апологеты, и т.д.)²¹.

¹⁶ Millar 1977, 556; Ste Croix 1963, 14.

¹⁷ Keresztes 1979, 276–277; Пантелеев 2004, 59. О том, что запрос Плиния касался только отступников, писал также Т. Барнс, не являвшийся сторонником теории общего закона: Barnes 1968, 36–37. И, напротив, М. Сорди, сторонница общего закона, отрицала такое толкование: Sordi 1983, 61–62.

¹⁸ Mommsen 1890, 407. В новейшее время эта теория Т. Моммзена была существенно скорректирована Т. Барнсом: он считал, что не отрицание римской религии вообще было основанием для гонений, а преступление против *mos maiorum*: Barnes 1968, 48–50. О религиозной подоплеке преследований писал также Сен-Круа: Ste Croix 1963, 27–31.

¹⁹ Э. Харди полагал, что христиане преследовались как запрещенное тайное общество: Hardy 1889, 61–62. У. Рамсэй полагал, что христиане могли восприниматься как *hostes publici*, враги общества и государства, отсюда обозначение себя как христианина неизбежно влекло осуждение: Ramsay 1893, 223.

²⁰ Conrat 1897, 53–77. Также см.: Болотов 1994, 33–36. Однако, как указывал Шервин-Уайт, основанием для гонений часто являлось *nomen Christianorum*, а не факт отказа от почитания Цезарей. Да и сам культ императоров был добровольным и касался, в основном, провинциальной аристократии. См.: Sherwin-White 1962, 206–207.

²¹ Conrat 1897, 27–42; Last 1937, 89–92; Болотов 1994, 29–30.

В научной литературе встречаются также попытки соединить различные теории, выдвигавшиеся в рамках подхода *coercitio*. В данной связи большой интерес представляет теория Э. Шервин-Уайта. Согласно ей, процесс против христиан включал рассмотрение *flagitia* или *scelera*, в связи с чем и сам *nomen Christianorum* (членство в Церкви) являлся достаточным основанием для осуждения без доказательства индивидуальной вины²². Но случай Плиния Младшего примечателен тем, что он не обнаружил тех *flagitia*, которые молва приписывала христианам (Plin. Epist. X. 96. 7). В этом случае, говорит Шервин-Уайт, возникало новое обвинение. Так, Плиний сообщает, что он казнил христиан за их упорство (*obstinatio*)²³. Последнее, с точки зрения Шервин-Уайта, проявилось в отказе от почитания гения императора. Несмотря на то что культ императоров носил добровольный характер, Шервин-Уайт признает возможным испытание через оказание почестей гению принцепса, а отказ от этого он трактует как *contumacia*²⁴.

При всей стройности и изящности теория Шервин-Уайта встретила вполне обоснованную критику со стороны Дж. де Сен-Круа. Последний выдвинул пять контраргументов: 1) Плиний при изложении своего дела не использует термин *contumacia*; 2) Шервин-Уайт неверно прочитал текст письма Плиния: последний ничего не говорит о том, что он требовал от христиан принести жертвы и почитать богов и гений императора, он повелел сделать это тем, кто отрицал свою принадлежность к христианам; 3) *Contumacia* в деле христиан не могла появиться прежде суда, отсюда вся ситуация приобретает абсурдный характер: в качестве основания для юридического преследования берется элемент, который не может возникнуть прежде судебного процесса; 4) теория *contumacia* никак не проясняет самого главного: почему христиане вообще оказывались перед судом наместника; 5) юридические тексты, к которым обращается Шервин-Уайт, нисколько не подтверждают его интерпретацию²⁵.

Что же до самого Сен-Круа, то он считает, что наместники, осуществлявшие суды над христианами, должны были считаться с конкретными обстоятельствами²⁶. Наместники, подчеркивает автор, находились под большим влиянием общественного мнения. Поскольку основным источником ненависти к христианам являлась толпа, то в целях предотвращения общественных беспорядков наместники были вынуждены вести дела против христиан. Христиане могли также в глазах легатов и проконсулов оказаться *mali homines*, поскольку поклонялись Человеку, который был распят как политический преступник, «Царь Иудейский». Наконец, лояльность Церкви государству могла ставиться под сомнение, поскольку христиане отказывались почитать гений императора²⁷. Однако со временем политический фактор в преследованиях должен был отходить на последний план. Автор не думает, что Церковь рассматривалась как *collegium illicitum*, поскольку таких све-

²² Sherwin-White 1962, 207.

²³ «Ведь я не сомневался, кем бы они ни были и в чем бы ни сознались, их следовало наказать за упрямство и непреклонное упорство» (*neque enim dubitabam, quaecumque esset quod faterentur, pertinaciam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri*: Plin. Epist. X. 96. 3).

²⁴ Sherwin-White 1962, 210–211.

²⁵ Ste Croix 1963, 18–19.

²⁶ Ste Croix 1963, 15–16.

²⁷ Ste Croix 1963, 16.

дений у нас нет²⁸. Также Сен-Круа утверждает, что и обвинения во *flagitia* носили второстепенный характер²⁹. Самым главным обстоятельством во время гонений, по мысли автора, выступает восприятие христиан как безбожников³⁰. Причем, с точки зрения Сен-Круа, данное восприятие характерно не только для языческой толпы, но и для представителей государственной власти. Однако, к сожалению, последнее исследование обосновывает только фактами III – начала IV в.³¹ Для II века он высказывает лишь уверенность, что в основе гонений также лежал сугубо религиозный фактор, а именно приравнивание христиан к безбожникам.

Мы не можем полностью согласиться с Сен-Круа. Конечно, спорадический и кратковременный характер гонений, вспыхивавших в отдельных провинциях, убеждает в том, что инициатива в этих гонениях принадлежала именно наместникам, а не императорам. Далее, действительно, источники часто свидетельствуют, что большую роль в гонениях играла языческая толпа³². В этой связи наместники для водворения порядка на подведомственной территории, в самом деле, могли использовать разные юридические основания против христиан: от запрета тайных обществ до осуждения за *flagitia*³³.

Но какую роль играл религиозный фактор в гонениях на христиан? Восприятие христиан как безбожников в народных массах – факт общеизвестный³⁴. Другое дело, являлось ли «безбожие» христиан юридическим основанием для гонений? Заметим, что Плиний выражает обеспокоенность заброшенностью языческих храмов в связи с распространением христианства в его провинции (Plin. Epist. X. 96. 9-10). Однако при изложении самого дела христиан он нигде не обозначает их как безбожников. Он в принципе не употребляет этого слова³⁵. Тем не менее к христианству он прилагает один термин, который, возможно, является ключом к пониманию юридической основы всего дела, – *superstitio* (Plin. Epist.

²⁸ Ste Croix 1963, 17.

²⁹ Ste Croix 1963, 20–21.

³⁰ Ste Croix 1963, 24–25.

³¹ Ste Croix 1963, 27.

³² О том, что на суд наместника могли оказывать влияние вопли и крики толпы, красноречиво говорит уже рескрипт Адриана: «... если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан, равно как и ответить перед судом, то пусть поступают таким образом, а не требованиями и одними лишь воплями» (οἱ ἐπαρχῶνται δύνανται διασχυρίζεσθαι κατὰ τῶν Χριστιανῶν, ὡς καὶ πρὸ βήματος ἀποκρίνεσθαι, ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοᾶς) (Just. Apol. I. 69). О толпе как источнике ненависти к христианам свидетельствуют апологеты. Наиболее ярко это выразил Тертуллиан в своем знаменитом афоризме: «Si Tiberis ascendit in moenia, si Nilus non ascendit in arva, si caelum stetit, si terra movit, si fames, si lues, statim: "Christianos ad leonem!" acclamatur» (Tert. Apol. 40. 2). Массу примеров дает также Евсевий, самый яркий – в повествовании о гонениях в Лугдуне и Виенне: «Сначала они мужественно выдерживали нападение черни, устремившейся скопом и толпами: на них кричали, их били, волокли, грабили, в них швыряли камнями, заключали в тюрьму, поступали, как озверевшая толпа любит поступать с врагами и неприятелем» (Eus. Hist. eccl. V. 1. 7; пер. М.Е. Сергеев). Впрочем, не всегда наместники выступали против христиан на стороне толпы. Так, Тертуллиан свидетельствует о том, что некоторые наместники даже пытались спасти христиан от разъяренной народной массы (Tert. Ad. Scap. 4).

³³ Здесь, в отличие от Сен-Круа, мы бы не стали преуменьшать значение *flagitia* в антихристианских процессах. Если верить Евсевию, данный фактор играл определенную роль во время гонений в Галлии в 177 г. (Eus. Hist. eccl. V. 1. 14). Серьезное внимание обвинениям во *flagitia* уделяли апологеты (Just. Apol. I. 27; Athenag. Legat. 3; Tert. Ad nat. 2; idem. Apol. 7. 1).

³⁴ Ste Croix 1963, 24–25.

³⁵ Walsh 1991, 259.

Х. 96. 8). Дела, связанные с *superstitio*, нам хорошо известны из римской истории как эпохи Республики (Liv. XXXIX. 18), так и эпохи Империи (Suet. Caes. V. 25). Нельзя ли отсюда вывести, что и Плиний осудил христиан на смерть за их ярую приверженность тому, что в его глазах являлось «безмерным и уродливым суевением»? На наш взгляд, подобное предположение вполне допустимо³⁶. Действительно, распространение христианства в провинции и запустение храмов могли вызвать недовольство со стороны ярых приверженцев местных культов. В этой связи стали распространяться слухи о *flagitia* среди христиан (Плинию такие слухи были известны: Plin. Epist. X. 96. 2; X. 96. 7). Для разрешения конфликта в дело вмешался сам наместник провинции. Будучи осведомленным в том, что антихристианские процессы уже велись (Plin. Epist. X. 96. 1), он, в свою очередь, также обрушился на представителей незнакомого ему культа, *superstitio*. Но поскольку обвиняемых становилось все больше, он решил отложить дело и обратиться за консультацией к императору. В частности, его интересовало: наказывать ли за сам *nomen Christianorum*, т.е. принадлежность к христианскому сообществу, или за *flagitia*, связанные с именем.

3. РЕСКРИПТ ТРАЯНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Рескрипт Траяна, одобрявший казнь исповедников, мог трактоваться наместником как признание самого имени христианского преступным. Но рескрипт содержит одно существенное противоречие. Одобрив практику Плиния, осуждавшего христиан за *nomen ipsum*, Траян в то же время ограничивает преследования, предписывая не разыскивать христиан специально³⁷. На наш взгляд, эта непоследовательность также свидетельствует о том, что общего оформленного антихристианского законодательства еще не было, оно находится в зачаточной стадии. В данном случае император явно не готов определить строгий юридический статус христианства. Здесь же следует сказать о последствиях данного рескрипта. В литературе иногда встречается мнение, что рассматриваемый документ определил положение христианства (по крайней мере, в той части, где Траян одобряет казнь за *nomen ipsum*) на сотню с лишним лет вперед³⁸. мы все-таки обратили бы внимание на форму распоряжения Траяна. Перед нами рескрипт, т.е. предписание, данное конкретному лицу. Этот рескрипт не мог применяться другими наместниками, даже теми, кто управлял бы Вифинией после Плиния (и, в общем, у нас таких сведений нет)³⁹. Таким образом, нельзя утверждать, что рескрипт Траяна в

³⁶ Отметим, что это предположение не новое. В науке уже предпринимались попытки сопоставления судебных процессов над христианами и над поклонниками культов Вакха, Исида и другими: Last 1937, 85–89.

³⁷ Это противоречие подметил Тертуллиан: «О решение, по необходимости смешанное! Он указывает, что их не должно разыскивать как невиновных, и предписывает, что их следует наказывать как злодеев. Он жалеет и свирепствует, укрывает и наказывает. Зачем ты проводишь себя самого таким решением? Если осуждаешь, то почему и не разыскиваешь? Если не разыскиваешь, то почему и не освобождаешь?» (*o sententiam necessitate confusam! Negat inquirendos ut innocentes et mandat puniendos ut nocentes. Parcet et saevit, dissimulat et animadvertit. Quid temet ipsam, censura, circumvenis? Si damnas, cur non et inquiris? Si non inquiris, cur non et absolvis?* Tert. Apol. 2. 8)

³⁸ Болотов 1994, 74; Пантелеев 2017, 10.

³⁹ Hardy 1889, 63; Sherwin-White 1962, 209; Ste Croix 1963, 14.

какой-либо мере определял положение христианской Церкви в масштабах всей Империи и тем более на века вперед.

Могли ли христиане в таких условиях апеллировать к представителям римской администрации? В деле, которое вел Плиний, похоже, непосредственная апелляция к наместнику провинции была бессмысленной. Легату достаточно было три раза услышать от подсудимого об исповедовании христианства, как он тут же отправлял его на казнь (Plin. Epist. X. 96. 3). Но в письме наместника есть одна любопытная деталь. Он обнаружил, что среди исповедников были и римские граждане (Plin. Epist. X. 96. 4). Плиний не решился вынести над ними судебного решения, они были отправлены в Рим для дальнейшего разбирательства. Нам не известна судьба этих людей, но возможность обратиться непосредственно к принцепсу они, видимо, могли получить⁴⁰. О такой возможности, по-видимому, свидетельствует и Юстин Мученик при описании ситуации, произошедшей в последние годы правления Антонина Пия. В своей второй апологии он повествует об одной матроне, обратившейся к христианству и обличенной своим распутным мужем. Юстин говорит, что женщина эта отправила послание императору (καὶ ἡ μὲν βιβλίον τοῖ τῷ αὐτοκράτορι ἀνέδωκε) с просьбой отложить судебное разбирательство, доколе она не приведет все свои домашние дела в порядок, и ее просьба была уважена (Just. Apol. II. 2). Таким образом, для тех христиан, которые были римскими гражданами, оставалось право апелляции к императору. В этой связи кажется неслучайным то обстоятельство, что почти все «судебные» апологии (за исключением послания Скапуле Тертуллиана) адресованы именно принцепсам.

Однако следует отметить, что и наместники далеко не всегда были настроены враждебно по отношению к христианам. Так, по свидетельству Тертуллиана, первые гонения в Северной Африке случились только при проконсуле Вигеллии Сатурнине (181 г.) (Tert. Ad. Scap. 4). Мало того, тот же Тертуллиан указывает, что ряд наместников отпускали христиан, не производя никакого суда над ними (Tert. Ad. Scap. 4). Возможно, что и к наместникам христиане могли обращаться, но здесь мы имеем очень мало фактов, которые подтверждали бы данный тезис (из апологетических сочинений располагаем только произведением Тертуллиана, адресованного Скапуле, наместнику Африки).

Итак, христиане из числа римских граждан могли воспользоваться возможностью прямого обращения к принцепсу, никаких ограничений рескрипт Траяна здесь не предусматривает.

4. РЕСКРИПТ АДРИАНА, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРВЫЕ АПОЛОГЕТЫ

Рескрипт Адриана иногда ставят в прямую связь с предписанием Траяна в том плане, что он уточнял некие его положения. Отметим, что рескрипт Адриана

⁴⁰ Очень удачную аналогию с одним эпизодом из Деяний Апостолов здесь провел П. Аллар: Allard 1903, 156. Речь идет конкретно об этом: «Фест, желая сделать угодение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом? Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева. Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян. 25. 9–12).

представляет собой ответ, адресованный наместнику Азии Минуцию Фундану, на запрос его предшественника – Серения (Сильвана) Граниана. Текст его следующий:

«Адриан Минуцию Фундану. Я получил письмо, написанное мне Серением Гранианом, мужем знаменитейшим, которому ты наследовал [должность]. Мне представляется, что дело нельзя оставить без внимания, дабы ни люди не тревожились [понапрасну], ни доносчикам не было предоставлено место для злодеяний. Пожалуй, ясно из этого письма, что если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан, равно как и ответить перед судом, то пусть поступают таким образом, а не требованиями и одними лишь воплями. Весьма приличествует тебе разрешить это [дело], если кто-либо решится на обвинение. Если кто-либо обвинит и докажет, что кто-то преступает законы, определи наказание по значимости преступления. Но клянусь Гераклом! Если кто-либо поступает так ради доноительства, положи предел этому бесчинству и определи меру наказания»⁴¹ (Just. Apol. I. 68).

Поскольку до нас не дошел текст запроса Граниана (в отличие от запроса Плиния), в науке существуют разные подходы к пониманию этого рескрипта. Некоторые авторы считают, что он был толерантен по отношению к Церкви и облегчал ее положение⁴². Здесь указывается на то, что если Траян одобрял практику Плиния, казнившего за *nomen ipsum*, то Адриан требует определять наказание не за имя, а за преступление (οὕτως διόριζε κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἁμαρτήματος)⁴³.

Другие ученые настаивают, что рескрипт никак не противоречит предписанию Траяна. Он не изменяет положения христианства в Империи (*nomen Christianorum* по-прежнему остается преступным), но определяет организацию судебных процессов над христианами, в частности запрещает судить по крикам толпы⁴⁴.

Со своей стороны скажем, что, во-первых, нет твердых оснований ставить рескрипт Адриана в какую-либо зависимость от рескрипта Траяна. Дело в том, что лицо, к которому адресует свое предписание Адриан, является наместником провинции Азия и вряд ли он мог руководствоваться рескриптом, выданным Плинию, наместнику Вифинии, и на основе его требовать дополнительных разъяснений. Во-вторых, сам вопрос о том, вносил ли Адриан какие-либо изменения относительно положения Церкви в принципе, представляется не совсем корректным. Перед нами рескрипт, то есть указание, данное наместнику конкретной провинции. Конечно, учитывая, что предписание Адриана, с одной стороны, запрещает судить по крикам толпы (ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοαῖς), а с другой – требует судить за преступления и не определяет однозначно

⁴¹ Перевод сделан нами по изданию Д. Миннса и П. Парвиса: Minns, Parvis (eds.) 2009, 264–266. Оригинальный текст: «Ἀδριανὸς Μινουκίῳ Φουνδανῷ. Ἐπιστολὴν ἐδεξάμην γραφεῖσάν μοι ἀπὸ Σεργηίου Γρανιανοῦ, λαμπροτάτου ἀνδρός, ὄντινα σὺ διεδέξω. οὐ δοκεῖ οὖν μοι τὸ πρᾶγμα ἀζήτητον καταλιπεῖν, ἵνα μήτε οἱ ἄνθρωποι ταραττώνται καὶ τοῖς συκοφάνταις χώρα κακηγορίας παρασχεθῇ. ἂν οὖν σαφῶς εἰς ταύτην τὴν ἀξίωσιν οἱ ἐπαρχιωταὶ δύνωνται δισχυρίζεσθαι κατὰ τῶν Χριστιανῶν, ὥς καὶ πρὸ βήματος ἀποκρίνεσθαι, ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοαῖς. πολλῷ γὰρ μᾶλλον προσήκειν, εἴ τις κατηγορεῖν βούλοιο, τοῦτό σε διαγινώσκειν. εἴ τις οὖν κατηγορεῖ καὶ δείκνυσί τι παρὰ τοὺς νόμους πράττοντας, οὕτως διόριζε κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἁμαρτήματος, ὥς μὰ τὸν Ἡρακλέα, εἴ τις συκοφαντίας χάριν τοῦτω προτεῖνοι, διαλάμβανε ὑπὲρ τῆς δεινότητος καὶ φρόντιζε ὅπως ἂν ἐκδικήσεις».

⁴² Лебедев 2015, 172–178; Sordi 1983, 66–67.

⁴³ Sordi 1983, 67.

⁴⁴ Callewaert 1903, 16–19; Keresztes 1979, 289–292.

nomen Christianorum как преступление, то его можно назвать благоприятным для Церкви (в этом плане позиция тех ученых, которые выступают за толерантный характер рескрипта, кажется более прочной). Другое дело, что рескрипт этот касается только малоазиатских Церквей, т.е. Церквей той провинции, наместнику которой он и адресован. В целом же, как и рескрипт Траяна, предписание Адриана не определяет юридическое положение христианства для всей Империи. Мы видим, что распоряжение Адриана об организации судебных процессов будет нарушено всего через тридцать с лишним лет на территории той же Малой Азии (в деле Поликарпа Смирнского: Eus. Hist. eccl. IV. 15).

С появлением рескрипта Адриана «Хроника» Евсевия связывает деятельность Кодрата и Аристида – первых христианских апологетов (PG 19. Col. 557–558). В свое время П. Аллар предположил, что Кодрат мог подать свою апологию Адриану только после появления рескрипта, воспользовавшись теми благоприятными обстоятельствами, которые он предоставлял христианам⁴⁵. Но выше мы видели, что никакой запретительной нормы относительно обращения христиан (в первую очередь римских граждан) не существовало. Даже дело Плиния не исключало такой возможности. Поэтому мы считаем вполне допустимым то, что первые апологеты обратились к Адриану до публикации им рескрипта. Другое дело, мы не думаем, что апологеты могли как-то повлиять на составление Адрианом рескрипта. Во-первых, по форме рескрипт представляет собой ответ на запрос Серения (Сильвана) Граниана, и не более того (Just. Apol. I. 69). Во-вторых, если в «Хронике» Евсевий сводит оба события (подача апологии и рескрипт Адриана) вместе, то уже в «Церковной истории» он говорит об этих фактах в разных местах и не устанавливает между ними причинно-следственной связи (Eus. Hist. eccl. IV. 3. 1; IV. 8. 6). Отсюда мы заключаем, что апологеты могли обратиться к императору и рассказать о своем положении, но вряд ли они могли подвинуть императора к составлению рескриптов.

Таким образом, благодаря неопределенности юридического статуса Церкви в Империи в первой четверти II в. римская администрация не всегда была закрыта по отношению к христианам и не всегда была настроена к ним враждебно. Конечно, во время вспышки гонений в той или иной провинции христиане вряд ли могли свободно обращаться к местным представителям римской власти. Но наместник, управлявший провинцией, не был всевластен над римскими гражданами, исповедовавшими христианство. Для последних была возможность обратиться непосредственно к императору. Также следует подчеркнуть, что гонения носили во II в. спорадический характер и в мирное для Церкви время христиане, возможно, могли обращаться и к местным властям. Итак, мы заключаем, что у авторов «судебных» апологий в рассматриваемый период была возможность адресовать свои сочинения носителям римской власти.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Allard, P. 1903: *Histoire des persecutions pendant les deux premiers siecles*. Paris.
Aube, B. 1875: *Histoire des persecutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins*. Paris.
Barnes, T.D. Legislation against the Christians. *JRS* 58, 32–50.

⁴⁵ Allard 1903, 259.

- Bolotov, V.V. 1994: *Lektsii po istorii drevney Tserkvi*. T. 1: *Istoriya Tserkvi v period do Konstantina Velikogo* [The lectures on the history of the Ancient Church. Vol. 1: The Church history in the period before Constantine the Great]. Moscow.
- Болотов, В.В. 1994: *Лекции по истории древней Церкви*. Т.1: *История Церкви в период до Константина Великого*. М.
- Buck, P.L. 1997. *Second-century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy*. Ottawa.
- Callewaert, C. 1901: Les premiers chretiens furent-ils persecutes par edits generaux ou par mesures de police? *Revue d'histoire ecclesiastique* 2, 771–797.
- Callewaert, C. 1903: *Le Rescrit d'Hadrien*. Bruges.
- Conrat, M. 1897: *Die Christenverfolgungen im Römischen Reiche vom Standpunkte des Juristen*. Leipzig.
- Edwards, M., Goodman, M., Price, S., Rowland, Ch. 1999. Introduction: Apologetics in the Roman World. In M. Edwards, M. Goodman, S. Price (eds.), *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians*. Oxford, 1–14.
- Grant, R.M. 1988: *Greek Apologists of the Second Century*. Philadelphia.
- Hardy, E.G. 1889: Introduction. In E.G. Hardy (ed.), *Plinii Caecilii Secundi Epistulae*. London, 1–75.
- Keresztes, P. 1979: Rome and the Christian Church I: From Nero to the Severi. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 23.1, 247–315.
- Last, H. 1937: The Study of the Persecutions. *JRS* 27, 80–92.
- Lebedev, A.P. 2015: *Epokha goneniy na khristian i utverzhdenie khristianstva v greko-rimskom mire pri Konstantine Velikom* [The epoch of the persecutions of Christians and affirmation of the Christianity in the Greek-Roman World under Constantine the Great]. Saint Petersburg.
- Лебедев, А.П. 2015: *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. СПб.
- Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World (31 B.C. – A.D. 337)*. London.
- Minns, D., Parvis, P. (eds.) 2009: *Justin, Philosopher and Martyr: Apologies*. Oxford.
- Mommsen, Th. 1890: Der Religionsfrevel nach römischem Recht. *Historische Zeitschrift* 64, 389–233.
- Panteleev, A.D. 2004: *Khristianstvo v Rimskoy imperii vo II–III vv.: k probleme vzaimootnosheniy novykh religioznykh techeniy i traditsionnogo obshchestva i gosudarstva* [The Christianity in the Roman Empire in the 2nd and 3rd centuries: to the problem of the relationships of the new religious movements and the traditional society and state]. PhD Diss. Saint Petersburg.
- Пантелеев, А.Д. 2004: *Христианство в Римской империи во II–III вв.: к проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: дисс. ... канд. ист. наук*. СПб.
- Panteleev, A.D. 2017: Kristianskoe muchenichestvo: istoriya yavleniya i zhanra. In A.D. Panteleev (ed.), *Rannie muchenichestva: perevody, kommentarii, isslidovaniya* [Early martyrdoms: translations, comments, studies]. Saint Petersburg.
- Пантелеев, А.Д. 2017: Христианское мученичество: история явления и жанра. В сб.: А.Д. Пантелеев (ред.), *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования*. СПб., 5–30.
- Pouderon, B. 2005: *Les Apologistes Grecs du II siècle*. Paris.
- Ramsay, W.M. 1893: *The Church in the Roman Empire before A.D. 170*. London.
- Schmid, W. 1955: The Christian Re-Interpretation of the Rescript of Hadrian. *Maia* 7, 5–13.
- Sherwin-White, A.N. 1962: Early persecutions and Roman Law again. *Journal of Theological Studies* 3, 199–213.
- Sordi, M. 1983: *The Christians and the Roman Empire*. London.

- Ste Croix, G.E. 1963: Why were the Early Christians persecuted? *Past and Present* 26, 6–38.
- Ulrich, J. 2014: Apologists and apologetics in the second century. In J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich (eds.), *In defence of Christianity: Early Christian apologists*. Frankfurt am Main, 1–34.
- Walsh, J. 1991: On Christian atheism. *Vigiliae Christianae* 45, 255–277.

THE RESCRIPTS OF TRAJAN AND HADRIAN AND THE ACTIVITY OF THE FIRST APOLOGISTS OF THE CHRISTIANITY

Dmitriy A. Samoilov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

Abstract. The paper examines the position of the Early Christian Church in the Roman Empire in the first quarter of the second century AD in relations of an activity of the Early Christian apologists. The author researches a problem of the possibility of apologists' appeal to the Roman representatives including the Roman Emperors under persecutions. Based on an analysis of Pliny's letter to Trajan and a rescript of the latter, the author concludes that there was no General Law forbidding the Christianity in this time; the persecutions largely were sporadic. The reason for the persecution described by Pliny could be the perception by the governor of Christianity as a dangerous superstition. Trajan's rescript could not be a General Law itself, neither in form nor in content. In the conditions of a legal ambiguity of the Church in the Empire some Christians could appeal direct to the emperor. Primarily this possibility was given to the Roman citizens as follows from Pliny's case. Therefore, the author concludes that there were no legal obstacles for appeal of the Early Christian apologists to the emperor. Information about the first Christian apologists belongs to the time of the rule of Hadrian, the successor of Trajan. "The Chronicle" by Eusebius relates their activity with emergence of Hadrian's rescript addressed to the governor of Asia and alleviated the position of the Churches on this territory. The author concludes that the Christian apologists could refer to the Princeps before publication of the rescript, but Emperor's decision to compose the rescript was hardly connected with their appeal.

Keywords: Roman Empire, Early Christianity, Church, Apologetics, Trajan, Hadrian, Pliny the Younger.
